

Радына В.Н.

День отца

дополненная реальность
отношений

16+

Владимир Николаевич Радына

День отца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36307877

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07915-1

Аннотация

История, которую вы собираетесь прочитать, выдуманная, но каждый для себя найдёт в ней отголоски своих переживаний. Неразрывный семейный цикл – очень большая редкость в современном мире. Почти каждый сталкивается с неполной семьёй. Человек может вырасти в неполной семье и создать полноценную. Либо наоборот, имея с рождения двух любящих родителей, никто не застрахован от неровностей отношений двух взрослых, от которых потом страдают дети.

Содержание

Сны	5
Первый день	7
Город из снов	11
Любовь	17
Райкин плаза	19
Ложь и крики	24
Второй день	27
Третий день. Джамба	41
Четвертый день. Футбол	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Все персонажи вымышлены, и возможные совпадения – лишь уловка автора, дабы запутать подсознание читателей.

СНЫ

С пятнадцати лет мне стали сниться странные сны. Другой город, интересные люди, улицы, мосты. «Питер», – сразу же начал думать я. Потом почитал про Питер и понял, что там не самый любимый мною климат, но сны это не остановило.

Как-то раз мне приснилось, что мы гуляем в лесу с отцом. Мне было лет шесть–семь. Я не видел лица отца и поэтому не мог понять: это мой родной отец или отчим. Пытался раздвинуть дымку сна, чтобы увидеть его лицо, но у меня не получалось. Мы кружили по тропам, он очень часто фотографировал меня. В итоге вышли к старому дебаркадеру. Я ходил и заглядывал во все комнаты, в них было много мусора, всё выглядело жутко. Это я понимал своим взрослым разумом, но во сне я был ребёнком, и мне передавался мой собственный восторг. В детстве мы воспринимаем информацию по-другому, и то, что для меня, взрослого, было “фу!”, для меня же ребёнка оказалось: “Ух ты!”. Дебаркадер был обнесён лесом, все лестницы и перила из дерева, полы скрипели. Мой взрослый разум увидел во всём этом какой-то триллер: усадьба потрошителя – не меньше. Когда я проснулся, то вообще не думал об отце, мне было интересно вспоминать те самые ощущения разной реальности меня теперешнего и меня в детстве. Для себя назвал это “эффектом потерянного детства”, и это понятие открыло для меня туман моего сна.

Я понял, что на дебаркадере со мной был родной отец.

В семнадцать лет я собрался поступать в Институт информационных и инновационных технологий Международной академии бизнеса и управления в Москве. Для меня слова «институт» и «академия» в одном предложении вовсе не предвещали беды. Если запомнить название полностью и потом произнести его где-нибудь в кругу друзей, то можно произвести впечатление. Моя бывшая девушка Авелина когда узнала, то написала мне в Контакте на стену, что поздравляет с выбором. Мы обсудили с ней тот момент, что останемся друзьями, и этот разговор был как бы одним из проявлений этой дружбы. Мы встречались год, и после нашего расставания, другие девушки из нашего окружения не проявляли ко мне интереса, а такие моменты продлевали моё внутреннее ощущение того, что мне пока не нужен партнёр.

Через пару дней мне пришло уведомление, что к записи Авелины добавлен комментарий моей родной сестры Киры. Она желала мне удачного поступления и передавала привет от отца, писала, что они меня очень любят и также желают удачи. Прочитав это, я секунд двадцать думал, лайкнуть мне это или что-нибудь ответить. В итоге не сделал ни того ни другого, хотя мысли об этом комментарии не оставляли меня целый день.

Мать была рада моему выбору вуза, наверное, потому что он не в Саратове, и в поездку для поступления меня собрали довольно быстро.

Первый день

В столицу я приехал на автобусе, хотя очень хотелось на поезде. Не знаю почему, откуда такие эмоции, но тот факт, что средством передвижения был не поезд, добавил некое чувство утраты. Сама поездка на автобусе мне не очень понравилась. Я и раньше ездил на автобусах на дальние расстояния, но эта поездка была из всего опыта знаковой. Я ехал абсолютно один в незнакомый мне город для того, чтобы попытаться поступить в институт.

На протяжении всей поездки автобус останавливался, все выходили – кто покурить, кто покушать или по другим своим делам. Выспаться в сидячем положении не удалось, а под утро разболелась голова, и ранний рассвет вообще не позволил мне больше уснуть. Пришлось начать бодрствовать километров, наверное, за триста до конечной точки.

Настроение немного улучшилось, когда мы въехали в сам город, хотя сил это особо не прибавило.

Начало лета 2024-го года было очень жарким на всей территории Российской Федерации. В Москве было около 32-х градусов. Для меня это температура комфорта, но, как оказалось, я не привык к такой влажности.

На улицах прохожие с самого утра выглядели изможденными. Некоторые дамы клали себе на лица влажные платки. Как по команде, несколько человек из групп, которые стояли

на пешеходных переходах и ждали зелёный сигнал светофора, запрокидывали запотевшие бутылки и делали несколько глотков разноцветных жидкостей. Зной заставил большую часть населения максимально обнажить свои тела, влажные и блестящие от пота. Слабый обдув кондиционера, казалось, закачивал потихоньку кислород. Но на самом деле он справлялся не лучше, чем обычный вентилятор. Автобус, не торопясь, двигался сквозь пробки. Медленное движение сквозь обволакивающий вакуум жары рисовало картины расправляющегося города. Было красиво и страшно понимать, что будет в середине дня. Я покрылся испариной, было тяжело дышать, воздух был полон технических примесей, и в то же самое время он был влажный и тёплый. Я вдыхал его раз за разом и не мог насытиться, возможно, не хватало кислорода, либо просто я так быстро начинал чувствовать себя свободным. Наконец-то автобус прибыл на Павелецкий вокзал. Забрав из багажа свои вещи, я начал осматриваться. Каждые двадцать секунд подходили разные нерусские люди и предлагали воспользоваться услугами такси, помочь донести багаж либо просто интересовались, нужна ли какая-то помощь. Я был готов к тому, что это недоброжелатели, а на самом деле предприниматели, готовые содрать втридорога. Я улыбался и осматривался: так много людей, огромная площадь, и все куда-то идут, бегут, многие просто глазают, как и я. Москва встречала меня и ещё тысячи людей, которые приехали сюда.

Я слышал много мнений о столице: кто-то в восторге от

большого города, кого-то она пугает, многие здесь устают. Учитывая особенности климата, мне самому было тяжело в такую жару при такой влажности, но я понимал, что это всё временно, организм может привыкнуть за несколько дней. Вообще человек привыкает ко всему и морально и физически – к любым некомфортным условиям. И мне понравилось то, что я видел, пока ехал до вокзала, и на самой привокзальной площади.

Я заранее подготовился и знал, что мне надо ехать до Марьиной рощи, институт находился именно в этом районе. Первые впечатления от метро – это большая очередь за билетами, барыги, предлагающие купить быстро, но дороже прямо под носом у разгоняющих их ментов, запах поездов и сухой ветер от проносящихся вагонов. У меня была запланирована одна пересадка. Люди в метро, как я и предполагал (а свои предположения я строил по увиденному в кино и прочитанному в блогах), в основном, читали и слушали музыку. Я смотрел на их лица, и мне казалось, что это совсем другие люди, не такие, к каким привык в Саратове. Это были люди со всей страны, самые разные, но объединённые этим одним территориальным признаком, ареалом обитания – Москвой.

Искусственное освещение и качка вагона внесли свою лепту, меня немного разморило, и когда я вышел на станции, тело покачивало и немного тошнило. Надо было поесть. Я зашёл на эскалатор и стал смотреть вверх: он такой длинный! Люди окружали меня со всех сторон, навстречу сверху вниз

также ехало очень много людей. Эти потоки, такое количество глаз... Некоторые, как и я, смотрели всем подряд в лица, может, искали кого-то знакомого, а может, наоборот, хотели найти того, о ком просто думали, мечтали. Всегда есть в голове какой-то образ, и он, как трафарет, прикладывается на каждого встречного – вдруг совпадёт? И каждая приближённая к трафарету мордашка получает от вас на несколько больше секунд внимания.

Этот подъём длился очень долго, я уже не представлял, когда он кончится, уже несколько раз подумал о еде и о том, как мне не хватает воздуха. Мой «трафарет» растворился окончательно в других потребностях моего организма.

Город из снов

Я поднимался на таком длинном эскалаторе впервые, это вообще было впервые в моей жизни, посещение метро. Следил за потолком, как он проскальзывает у меня над головой. Движение чем-то напоминало лифт, но в лифте ничего не видно, а тут мы двигались, или двигалось пространство. Я испытывал волшебное ощущение нереальности и, чтобы не потеряться от эмоций, ещё сильнее сжимал руку отца. Мы ехали на одной ступеньке, он улыбался и говорил, говорил, рассказывал, как когда-то тоже впервые попал в метро в детстве, и у него были схожие ощущения. Я слушал через слово, и мне больше передавалось его позитивное настроение, чем понимание того, о чём он говорил.

Этот длиннейший подъём закончился светлой станцией, в окна обильно попадали солнечные лучи. Я посмотрел на Повелителя Огня, которого держал в руке, представителя последней коллекции LEGO Bionicle, которого мне купил отец. Зеркальный меч моего героя рассекал солнечные лучи, пока мы шли к выходу. Солнечные зайчики прыгали по окружающим нас людям, попадали в глаза, и это вызывало нескрываемый восторг. Мне было весело. Открылись большие двери выхода, и я зажмурился от света, меня ждал огромный мир. Он должен был стать ярким и запоминающимся, с большим количеством эмоций – так мне обещал отец. Но все это уме-

щалось всего в четыре буквы. Мы приехали на ВДНХ.

Огромная арка входа с величественными колоннами представилась большой крепостью. Мы шли, шли, мне казалось, что я так много ещё никогда не ходил, но на самом деле мы всего лишь дошли от метро до входа на ВДНХ. Хотя это старое название, теперь этот комплекс назывался ВДЦ, но отец почему-то называл его, как в былые времена.

Вот смотри, как я тебе и обещал, – отец показал вокруг рукой, его лицо сияло.

Что обещал? – скромно спросил я, понимая, что звучит это как-то по-детски.

Я ехал поступать в институт, ехал в Москву один, и вот я с отцом, мне почему-то лет десять. Я как бы всё понимаю, но мои детские эмоции преобладают над моими взрослыми мыслями.

Папа...

Да, сынок, – отец не давал мне сказать, он сразу отвечал, это могло бы показаться навязчивостью, но я же ребёнок, мне нужно внимание, и вот оно.

Па-а-ап, смотри-и-и-и... – это самое популярное детское словосочетание. Хотя, наверное, более популярное “мама, посмотри”. – Колесо обозрения!

Оно было огромным, с большими и малыми кабинами, можно было выбрать, на какой ехать. Я удивился той лёгкости и искренности, с которыми из меня вырвался этот возглас. Отец улыбался и тянул меня к колесу:

Быстрее тогда за билетами, нам надо многое успеть, сынок!

Мы спешили, а мимо нас проносились паровозик, дети на радиоуправляемых машинках, продавцы воздушных шаров и сладкой ваты, мыльные пузыри. И я понял, что совсем не ощущаю изнуряющей жары и тяжести воздуха. Мы ещё не дошли до кассы, а я уже был удовлетворен тем, что у меня теперь есть этот день, хотя он ещё только начинался.

Я поднимался над городом, как мыльный пузырь в безветренную погоду, не торопясь и оглядываясь по сторонам. Вкус кисловатого мороженого с чёрной смородиной наполнял детские вкусовые рецепторы маленьким экстазом. Я понимал, что за свои неполные 18 лет ни разу не ел такого мороженого. Хотя всё о чём я мог подумать, оказавшись в обычной ситуации, что в этом мороженном нет ничего обычного. Но сейчас, у меня изменилось восприятие во всех аспектах до уровня ребёнка.

– Па-а-а-п, вот это вкуснятина! – выпалил я, не отрываясь от его счастливого лица. Мы смотрели друг другу в глаза несколько секунд, я видел, как он счастлив в этот момент, и меня это бесило. Я пытался контролировать своё раздвоенное сознание. Отец манипулировал моим внешним Я, которому всего 10 лет, а Я внутренний, взрослый, не мог вырваться наружу, чтобы дать ему понять, что не всё так просто, я уже не тот мальчишка, которого он видит перед собой.

– Купишь ещё? – я наелся, но моё детское желание обладать этим ещё раз выстрелило сквозь мои амбиции взросло-го. На самом деле мне хотелось спросить, сколько я теперь за мороженое должен.

– Сейчас спустимся, и можем пойти нормально поест, но тогда будет тяжело кататься на каруселях. Поэтому, может, давай сначала отождём по полной?

– Дав-а-а-й, а это как? – что он вообще имел ввиду, он же старый уже. Отжигатель года.

– Сейчас увидишь.

После колеса мы пошли на американские горки, потом на свободное падение и пару сумасшедших каруселей. На автодроме каждый катался в своём автомобиле, я пытался догнать отца, наблюдая, как проносятся мимо в машинах мужики со своими детишками. Я вспомнил реальные моменты своей жизни: когда был поменьше, мы также катались с отцом в старом парке в Волжском – в одной машине. В нас кто-то врезался, и я ударился коленкой и рассёк её о ребро жесткости. Мне было страшно и больно, я плакал. Отец вынес меня на руках с аттракциона, зализал мою рану, как старый волк, и поставил на ноги. "Ну, теперь всё, ты снова живой и здоровый", – именно эти слова звучали в моей голове. Я нёсся на машине по кругу, наблюдал, как он оборачивается и ехидно смеётся. Нам было весело, и я уже не помнил, что всё это началось от нехватки воздуха в метро и голода – я снова был живой и здоровый. Это маленькое счастье, как пре-

датель, резало мне душу, я не мог согласиться со всем этим. Мне хотелось диалога, хотелось задать вопросы, но я только просил попить лимонада, покушать бургеров и шоколадок, новые игрушки, и ещё больше и больше аттракционов.

– Дай мне руку.

– Зачем?

– Давай, давай, это комната страха.

– Ну и что, я уже взрослый, – вот он я, начинаю проявляться.

– Ну ладно, смотри, там темно, потом не сможешь меня найти.

– Ну ладно, – я протянул руку, потому что он меня убедил.

Он манипулирует мной.

Все взрослые пытаются манипулировать. Почему?

– Если будет нестрашно, можешь потом отпустить, – очень странный подход, я был не готов к такой альтернативе. Скажу больше, я, десятилетний, после слов отца вцепился в его руку ещё сильнее, и от моей вредности не осталось и следа.

В комнате страха мне было по-настоящему страшно. Я не увидел ничего мерзкого или отталкивающего, просто там была гнетущая музыка и холодная атмосфера. Я не мог контролировать свои эмоции. Я внутренний боялся так же, как и Я внешний, и это только усилило мой шок. Дети боятся больше от незнания, и боятся не так глубоко, как взрослые тоже от незнания. Я, взрослый, боялся уже за себя десяти-

летнего, которому так страшно. У меня внутри случилась производная от страха, и я закричал. Нас такая обстановка только сблизила, отец быстро вывел меня на свежий воздух. После аттракциона я был бледен и молчал несколько минут. Мы сидели на лавке, и отец, улыбаясь, ждал, когда я приду в себя. Я не мог понять, чему он радуется, это маленькое издевательство над своим сыном или что-то патологическое в его голове. И он как бы ответил на мой немой вопрос:

Сынок, сегодня ты получил маленький жизненный опыт, он очень маленький по сравнению в целом с жизнью. Да, тебе было страшно, но все же не так сильно, если бы ты был там один. К сожалению, жизнь так устроена, что со своими страхами мы остаемся гораздо чаще, чем того бы хотелось... Надо быть готовым к этому.

Мы сидели на лавке, держась за руки. Я совсем забыл о голоде, и угасающее чувство страха разжигало внутреннее тепло к человеку, который сейчас был рядом. Я сжал его руку ещё сильнее и потихоньку начал приходить в себя. Было очень приятно, что отец мне ни в чём не отказывал в этот день. И странное неизведанное ранее чувство окутывало меня, он не отказывал мне в самом главном – в своей любви.

Любовь

Моя младшая сестра Кира нашла меня в соцсетях, когда мне было 16. Нам не о чем с ней общаться. Я думал так потому, что отец со мной уже никак не контактировал, мне было неинтересно, что там у него и, исходя из его вопросов ко мне, я понимал, что они не особо искренние. Только "для галочки" я подтвердил дружбу, чем вызвал шквал вопросов от своих друзей и подруг: что это за мелкая девчонка с такой же фамилией, как у меня?

Опять пошла небольшая волна воспоминаний, пришлось говорить, что это дочь отца. Это звучало так, как будто я её никогда не видел, хотя она прислала мне несколько фото, где я, мелкий, держу её на руках. Там мы были такими счастливыми: я, мой отец и Кира. Это событие выбило меня из колеи. Оно шептало мне несколько дней подряд: вот оно что-то новое, вот оно что-то старое – забытое. Я гнал всё дальше и дальше мысли о другой возможной жизни, об отце, его семье. И это могло продолжаться часами. Из транса меня вывела моя первая любовь.

Мы учились вместе в школе. Как это часто бывает, не замечали друг друга несколько лет подряд, но на одной дискотеке поцеловались. Её звали Авелина. Она была стройной,

чуть ниже меня, со светлыми длинными волосами.

Мама была против. Вообще, все события я обсуждал с мамой, и она сразу мне выдавала оценку происходящего. Как правило, она говорила, что ей это нравится либо она против. Если она против, то значит, если она ещё раз услышит об этом, то будет скандал.

Так вот, – мама была против.

В семнадцать лет благодаря Авелине я понял, что у любви бывает начало и бывает конец. Мы просто простились, и, как ни странно, она не кинулась сразу же на поиски замены. Я тоже не особо переживал: у меня был план реализовать себя в сфере образования. Любовь показалась мне чем-то физическим и чисто биологическим, наверное, это связано с моим рациональным подходом ко всему. В связи с этим я не мог долгое время понять мать, которая из всех своих бывших мужчин чаще всего вспоминала моего отца. Она так и не смогла его отпустить. Не могу сказать, что она продолжала любить его. Наверное, потому, что я вообще ничего не мог сказать в то время про любовь, для меня было в тот момент любить – значит целоваться. Тем более, мать никогда не говорила ничего хорошего про отца, это была не любовь, а зависимость от воспоминаний, причиной которых он был. Или, может быть, это я ей напоминал его и годы, когда они были вместе, молодые и красивые. Но я не собирался считать себя виновным в том, что я просто есть.

Райкин плаза

Я очнулся на лавке в каком-то торговом центре и встречал непонимающие, удивлённые взгляды прохожих. Ко мне подошёл степенный немолодой охранник и спросил, всё ли у меня хорошо. Я удивлённо кивнул головой, что всё в порядке.

– Молодой человек, больше, пожалуйста, так не кричите. Если вам необходимо, я могу вызвать скорую помощь.

– Нет, спасибо. У меня всё хорошо.

– Хотя я до конца не осознавал, хорошо ли мне или как-то непонятно.

О чём я кричал, что случилось, мне было не совсем понятно на тот момент. Я сидел и смотрел по сторонам, на меня практически уже никто не обращал внимания. Я достал телефон и посмотрел на нём время, пропущенных звонков и сообщений не было. Вылез только хештэг #райкинплаза и предложения там зачекиниться. Я ещё не сделал ни одного чекина в Москве. Ничем не примечательный торговый центр с таким сияющим названием стал моей первой отметкой.

Ехать мне в Марьину рощу или уже можно ехать к тётке, куда меня определили на ночёвку... Хотя я даже не уверен, что могу называть её тёткой, для меня это было просто: “Остановишься у родственников, позвони тёте Ирине”. Я так понимаю, что мать особо с ними не общалась. И мой приезд,

и остановка у них напрягали как её, так, скорее всего, и тётю Ирину. Но мне не было дела до этих межличностных отношений, у меня была чёткая цель. Хотя мать знала о моей целеустремленности и сказала, что первым делом, когда поступлю, я должен буду въехать в общежитие и не напрягать родственников.

Я открыл записную в своём смартфоне, чтобы посмотреть адрес тётки и её телефон. Тётка жила на станции метро ВДНХ. Отец... Я стал осматриваться по сторонам. Он был рядом. Мне стало страшно оттого, что я вспомнил. Было ли это на самом деле или приснилось? Я крутил головой, вытянув свою худую шею, как беспомощный птенец. Мне стало тепло и грустно внутри. Спустя пару минут я принял трезвое решение, что все это мне показалось.

Решил, что в институт поеду завтра, и отправился на станцию ВДНХ. Метро вгоняет в сон. Я пытался привыкнуть к обстановке внутри вагонов, к запаху, к шуму, обнаружил для себя некий поток движения, которого раньше не встречал. Люди заходили и стремительно занимали свободные места. Это начальный этап при наполняемости вагона, затем выстраивались вертикалями вдоль сидящих, потом начиналось броуновское движение с переменами мест. Открываются сумки или карманы, достаётся книга, планшет, плеер. Закрываются сумки. Начинается знакомство с культурой и творчеством, с музыкой или книгой. Сидящие встают, вертикальные садятся. Обмен местами. И чтобы ни происходи-

ло внутри, у поезда всегда своё направление.

Выйдя из вагона, я отправился к эскалатору. Всматриваясь в окружение, в обстановку, находил некие сходства из своего сна, но в глаза бросалось гораздо большее количество интерактивной рекламы. И был ли это сон? Двигаясь к эскалатору, я знал, что сейчас начнёт происходить. Как тяжёлое махровое покрывало, меня начало окутывать дежавю. Оно подкралось со спины и значительно замедлило мой шаг, карабкаясь мурашками по задним частям ног, и я уже чувствовал, как они захватили мою поясницу и стремились всё выше и выше. И вот меня накрыл капюшон ощущения того, что это всё уже когда-то было. Я ехал вверх по длинному эскалатору и непроизвольно начал примерять трафареты на лица людей. Именно в этой ситуации в прошлый раз отец взял меня за руку.

Девушка, похожая на подругу Авелины. Парень с ушами, как у одноклассника Макса. А вон кто-то едет со мной вверх на параллели с причёской, как у Киры на последних фотках. Я смотрел на затылок какой-то девчули и не понимал, почему не могу отвести взгляд, я ждал, вдруг она обернётся. Металлические ступени несли меня вверх, успокоительная таблетка дежавю придавала мне +40 к броне. И вот была уже рядом грань уровня земли, а она всё не поворачивалась.

Внезапно я потерял свой фокус. Меня ослепил большой зал своим светом, и я получил новую дозу дежавю, но только уже на самой станции ВДНХ. Я вышел и начал осматривать-

ся, к своему ужасу, не увидел ничего нового, я словно был здесь пару часов назад. Меня это повергло в шок.

Созвонившись с тёткой, я нашёл нужную маршрутку и поехал до своей остановки. Я пытался отогнать мысли о своих видениях и сконцентрироваться на главной цели своего визита в столицу, но мне было очень тяжело сделать это. Я крутил в руках свой телефон, и меня подмывало позвонить отцу. В итоге, пока ехал, залез в VK и начал смотреть фотки своей сестры, их было не так уж много. И странное стечение обстоятельств: отца не было на её фотографиях. Выйдя на свежий воздух, я понял, что голоден. Без трудностей нашёл тёткин дом, и, выдохнув перед тёплым приёмом, позвонил в домофон.

Тётка при встрече сделал вид, что очень рада гостю, но по лицам её дочерей я понял, что ожидание меня в этом доме сопровождалось не самыми любезными разговорами. Если у двенадцатилетней Дашки лицо было больше удивленное, что я не монстр, то у шестнадцатилетней Светланы я чётко увидел отвращение к тому, что я именно тот, о ком и рассказывали. Я в своей семье уже научился различать ложь и лицемерие. Хотя в более тесных отношениях любой конфликт скатывался на крики, так было и у меня. Тётка тоже не замедлила с ожиданиями и обматерила младшую буквально через полчаса после моего прибытия. Дашка в своё оправдание твердила стандартные “это не я”, “я забыла”, “я тут ни причём”. Мне это было так знакомо. И я понял, что я дома.

– За что тебя мать ругала, – решил я наладить контакт со своей новой сестрой за ужином. Как раз, кроме нас двоих, больше никто не остался пить чай.

– Не скажу, – она повторила это раза три, но в итоге сдалась, – я у Светки в телефоне прочитала сообщения от ребят. И рассказала маме, она ей взбучку задала, а меня отругала, чтобы я сестру не закладывала. Теперь со мной никто не разговаривает, кроме папы.

– Ну, и меня тогда тоже, – я легонько ткнул её в плечо, улыбаясь.

– Ну, да-а-а, и тебя, – Дашка, потупив взгляд, заулыбалась и начала хлебать чай большими глотками, чтобы побыстрее избавиться от стеснения.

Судя по обстановке у тётки в семье, я даже и не сомневался, что они с моей матерью сёстры. А муж тётки был настолько незаметен, что я его ни разу так и не увидел, хотя, по словам Дашки, он был самым толерантным в семье.

Ложь и крики

Быть дисциплинированным послушным сыном довольно легко. Особенно если при этом уметь тонко и не наигранно врать. Я научился этому от мамы. Мне было удобно говорить слова “не знаю” в любой ситуации, когда не хотел говорить правду. К 18-ти годам мамино “не знаю” обратилось против неё самой.

– Ты почему так поздно?

– Гулял с ребятами.

– Авелина тоже там была?

– Не знаю.

– Как ты можешь не знать, ты её не видел? Вас там толпа была?

– Не знаю, мам.

– Ты что мне врёшь???

Мама начинала скандал с самой собой. Я обычно в такие моменты уходил в режим само-ответа, тыкая в смарт.

– Ты меня слышишь? Перестань уже лазить в своём телефоне.

– Угу... слышу.

Телефон она уже не могла у меня отобрать, и её этот факт очень бесил. Раньше кидалась, била, но как-то раз отбила себе руку. Я понимаю, что с мамой драться нехорошо, но это в её характере: наораться всласть, потом полезть драться и

после плакать и скулить о том, как её никто не любит.

В итоге раньше приходилось виновато подходить и жалеть её, хотя при этом могло побаливать плечо или спина, но с возрастом этот спектакль мне поднадоел, и меня сменил брат Макарка.

Я всегда мысленно благодарил судьбу, что у меня был отчим. С ним у нас была полноценная семья: у Макара был отец, у меня был папа-заменитель, у мамы муж. И самое главное, он не раз меня выручал тем, что он есть. Нередко мамин гнев обрушивался и на него. Меньше всего всегда доставалось младшему, но думаю, когда я покину отчий дом, и до него доберутся.

Чем старше я становился, тем больше было мыслей куда-нибудь уехать учиться подальше от Саратова. Хотя и в Саратове было много интересных учебных заведений, но меня тянуло в Питер либо в Москву. Я был в этих обоих городах, хотя в целом мало где путешествовал, потому что мать перемещалась, в основном, по маршруту дом-Адлер-дом либо к своей сестре в Волжский, либо к дедам в Михайловку. Я сталкивался лишь с однообразным бытом юга России, и мои представления были такие, что везде всё одинаково, только в Адлере ещё и море есть. Хотя по телевизору Москва с каждым годом выглядела всё лучше и лучше, чем другие города, наверное, поэтому туда и тянуло.

Мне нравился Волжский: там прошли мои первые дни жизни, я любил Михайловку, так как именно у дедов любой

ребёнок получает первые уроки свободной жизни. Сначала с меня не спускали глаз, позже, как только во мне начала прорисовываться сознательная личность, я и улица стали неразлучны. Но это не те места, где бы я хотел провести свою юность, которая незаметно может перетечь во всю оставшуюся жизнь.

Второй день

Я проснулся рано и отправился в институт практически не позавтракав. Аппетита не было, хотелось в город: идти, видеть новое, познавать. Усталости не было, не то, что вчера, поэтому я был бодр и весел. Найти институт не составило труда, спасибо смарту. В приёмной комиссии сидели симпатичные девчата. Как потом выяснилось, они в этом году закончили первый курс. Но важности некоторым из них было не занимать. Меня это забавляло, хотя большинство ребят на моём месте выглядели перепугано. Я чувствовал себя более уверенно благодаря раннему этапу становления в моём организме самостоятельности.

Я сдал результаты своего ЕГЭ и сразу попал в первые 60 % абитуриентов, которые, исходя из практики, в студенты проходят. На следующий день было назначено тестирование, необходимо было что-то запрограммировать. Для себя я почему-то уже решил, что поступил. Поэтому спросил у одной из девчонок, где мне получить информацию об общежитии.

– А ты уже решил, что оно тебе понадобится, – язвительно отреагировала барышня с белыми кудрями и бейджем “Елена. Член приёмной комиссии”.

– Ну да, – скромно ответил я и продолжал улыбаться.

– Ну-ну. Слишком самоуверенно.

– Если по-другому, то нет смысла приезжать поступать.

– Согласна, – смирилась она, – я сама лимитчица. Пойдём.

Лена отвела меня к заместителю по хозяйственной части. Крупный парень лет двадцати пяти осмотрел меня оценивающе и спросил, есть ли предпочтения. Глядя на моё смущение, он выслал Лену, сделав в её адрес пару “комплиментов” про сущность и ссученность.

– Дмитрий, – он представился, – нужна нормальная хата? Будет стоять чуть дороже.

– Никита. Это как?

– Ну, у нас осталось всего две общаги незаселёнными. Одна полный трэш, там живут, в основном, с третьего курса либо сдаём приезжим на короткие сроки за бабки. Учитывая многонациональность нашей страны, обычаи там каждый срок меняются. Вторая под первокурсников, но там первые пять этажей после ремонта, и они пользуются популярностью у «папиков» и их девочек, поэтому стоят дороже. Всё, что выше, имеет состояние ниже среднего, но квартир 10 есть вполне приличных.

– И чем же они приличные?

– Ну, там кто-то себе окно пластиковое в своё время поставил, кто-то сплит повесил, кто-то интернет протащил. Интересует?

– Интернет и сплит интересуют. Посмотреть, когда можно?

– Десять кусков за продвижение.

– Не хило, – я сразу подумал, где мне взять такую сумму.

– И каждый месяц по пятаку. Ну что, согласен? Или в зомби Лэнд бесплатно и тариф две тысячи.

Я интуитивно понял, что “зомби Лэнд” – это то, что выше этажом.

– Время есть подумать или как? – я начал прикидывать варианты, как эту информацию преподнести своим домашним. Лишних денег в семье не было, особенно я это заметил, когда мне исполнилось восемнадцать лет и закончились алименты от отца.

– Пару дней без проблем, пока идёт набор. Но ты сам понимаешь, разбирают, как горячие пирожки. Вот возьми, – и он протянул мне визитку с дешёвым дизайном. В этот момент мне меньше всего хотелось работать в своей жизни в институте. Именно дизайн визитки произвёл на меня отгаликивающее впечатление к “деятелям науки”.

Ещё не получив результатов, не сдавая тест, я уже решил закинуть удочку и узнать, что думает мать по поводу потенциальных возможностей моего проживания в хорошей комнате общежития с ремонтом. Из института решил прогуляться и позвонить мамуле.

– Позвони отцу, спроси его, – это был самый неожиданный ответ матери на мой звонок. Я не то, чтобы очень переживал по поводу жилищных условий, но попытать счастья всё же решился. И её ответ звучал, скорее, так: “Обломай-

ся”. Она обыгрывала меня, указав направление действий, но зная, что я не буду этого делать. Так долго программировать меня не общаться с отцом, и теперь она просто и легко говорит: “Позвони отцу”! Я не сразу понял это, не в тот самый момент, что это была насмешка, и поэтому мне стало обидно. Если бы она просто сказала, что нет денег или не получится, мне было бы гораздо проще это принять, чем такой перевод стрелок.

#фестивальныйпарк – пришлось зачекиниться. Просидев в парке 15 минут на лавке, я получил от своего смарта соответственный хэштег для чекина. Я сидел и то открывал приложения, то закрывал их. Смотрел, как не спеша обновляются ленты. Я уже давно заметил, что летом и в хорошую погоду ленты всегда обновляются медленно. Правда, бывают люди, для которых весь отдых надо обязательно выложить в социалку. Они отдыхают, хорошо проводят время, им хорошо, и они делятся своим “хорошо” со всеми. Или, может, они делятся для того, чтобы им завидовали.

Мне надо было бы идти и готовиться к вступительному экзамену, а я сидел и тыкался в телефоне, размышляя о том, где взять денег для того, чтобы начать относительно самостоятельную жизнь. Я то открывал номер отца, то закрывал. И даже не знал, доступен ли он на нём ещё или, может быть, уже нет. Да и вообще: почему у него должны быть деньги? Хотя мама всегда именно так и думала, что у него они точно

есть, но мы и без них обойдёмся. И как только она вышла замуж во второй раз, эти слова я стал слышать все реже, потому как при отчине она таких тем не поднимала.

В пятнадцать лет я стал интересоваться, почему у одних людей есть деньги на всё, а у других только на выживание. Я читал про олигархов, миллиардеров, известных меценатов. Больше всего мне были по нраву люди, которые добились всего сами. Те, кто начинал с нуля и в итоге выстроил известные всему миру корпорации. Я изучал их жизненные пути проб и ошибок, и мне нравилось, что те, кто не сдался, добился самых больших высот. На фоне этих историй у меня появилась идея фикс. Я захотел тоже стать двигателем прогресса, то есть, сначала захотел денег, а потом, развивая своё желание внутри себя, докарабкался до самого Олимпа славы.

Не имея никаких глубоких знаний к концу школы ни в одной из отраслей, я осознал, что для того, чтобы чего-либо добиться, надо много учиться. А ещё должна быть увлечённость, и вовсе не компьютерными играми.

К сожалению, у меня не было своего маленького дела, продающего сайта, магазинчика пончиков, лотка с кофе, велосипедной мастерской, и зарабатывать на боях без правил я ещё тоже пока не начал. Хотя не у каждого моего друга было что-либо из перечисленного, но всё же у кого-то это было. Я это видел, оно происходило рядом, в моём городе. У друзей друзей, у подруг друзей, их знакомых, в соседнем дворе

у каких-то пацанов. Я оправдывал себя тем, что им помогли родители, а моим необходимо ещё братишку на ноги поставить. Но каждое такое оправдание оставляло на душе невидимый порез тупым ножом. Себя я уже уверенно чувствовал на ногах, хотя на самом деле пока ещё даже не представлял, как это.

Учитывая все мои амбиции и реальность, все мои личные финансы складывались из карманных расходов, поэтому поступать в Москву я поехал на средства родителей.

Попросить деньги у родного отца даже не пришло в голову, но я всё-таки нажал кнопку вызова на его номере.

На телефоне появилось сообщение “отсутствие сети”, и меня выкинуло на номер мамы.

– Ты не сможешь позвонить ей, здесь плохая связь, – отец сидел рядом со мной на бревне и строгал рыбацким ножом с чёрным лезвием рогатину. – Но отправь смс, вдруг появится сеть, и смска сама уйдёт. Главное, не волнуйся, она же знает, что ты со мной.

Первая мысль, как она вообще допустила такое, и, зная, что я с отцом, ещё не оборвала мне телефон. Я снова провалился в другую реальность? Вот это да! Происходящее вызвало неподдельный интерес. Судя по ощущениям и моему прикиду, мне лет тринадцать...

– А ещё можешь нажать "отправить смс" на телефоне и подкинуть его высоко – высоко, мы всегда так в детстве де-

лали, – отец ехидно заулыбался.

– Да ты выдумываешь, – я понял, что он меня разводит, глядя на свой простенький кнопочный самсунг. Таким же меня наказывала частенько моя мать, когда отбирала хороший телефон, подаренный отцом, и “торжественно” вручала вот этот. Да, это был именно он, с той же трещиной на экране, мне реально захотелось швырнуть его в воду...

Мы сидели на берегу реки, и до кромки было метра три – четыре. Я смотрел на течение, как стойки причала разрезают быстробегущую воду, и этот умиротворенный вид успокоил в считанные секунды. Перед нами был небольшой костёр, мы жгли дрова на угли, чтобы потом что-то приготовить. Я представил, как подкидываю телефон высоко вверх, и он нечаянно опускается в воду. Да, это точно был развод. Он просто застал меня врасплох, пару минут назад я хотел ему позвонить, а теперь он сидит рядом со мной. Так я позвонил ему, или просто так сильно хотел, что мне показалось, что позвонил?

– Пап, у тебя есть деньги?

– На дорогу домой хватит, но мы, вроде бы, ещё собирались порыбачить пару дней.

– Мне надо на общагу институтскую, – и я сразу заметил, что могу с ним говорить, о чём хочу, а не как в прошлый раз. То есть, мне лет тринадцать, как я и говорил, но остались те же самые проблемы, я не успел переключиться.

– Ну, ты сначала поступи в институт.

– Когда я поступлю, уже поздно будет.

– В общаге мест не останется? – отец сделал вид, что неподдельно удивился.

– Ну, в той, в которой я хочу жить, может не остаться.

– А в другой что не так?

– Ну, там для обычных, типа..., – и тут я понял, что нормального объяснения у меня нет.

– Ты серьёзно? Ты считаешь себя необычным? – отец улыбался.

– Ну-у-у, я хочу, чтобы были удобства.

– Ты о чём?

Я, типа, задумался.

– Ну? – отец всегда был напорист в вопросах, но также пытался порой помочь с ответом, только в своей экстравагантной манере. – Сортир со стразами тебе там нужен?

– Сплит и вай-фай, – пришлось расколотся.

– Сынок, когда ты закончишь школу, я надеюсь, у тебя уже будут другие ценности. Сплит говорит о том, что ты изнежен, а вай-фай отрывает тебя от реальной жизни.

– Но мне нужен интернет для учёбы.

– Я согласен, но учёба обычно с сентября по май, ну, может по июнь. И сплит тебе особо не нужен, переплачивать за две недели прохлады я не вижу смысла.

– Ну, в принципе, да, – на удивление самому себе я согласился. На то он и отец, чтобы аргументировать свои “нет”.

– А вай-фай можно провести в любое жилое помещение,

так что – кто-то хочет просто на тебе навариться, либо ты не договариваешь чего-то. Тебе нужно искать место, где живут твои одноклассники и девчата. Чтобы общаться со сверстниками, и чтобы глаза радовали женские образы. Вот это главные твои заботы в институте.

– Мама говорит, что мне рано ещё думать о девочках, – что за чушь я сейчас сказал, она так говорила, когда мне было лет 14, и то я поводов не давал. А мне же сейчас как раз около четырнадцати. Как всё запутанно! Мать просто хотела как-то заострить моё внимание на учёбе и спорте. Хотя вложения не всегда приносят ожидаемый результат – это я про спорт.

Я начал заниматься тхэквондо в четыре года. Выбором моего образования, места проживания и других занятий всегда занималась только мать. Мнение отца она никогда не спрашивала. Хотя моему детскому разуму это было недоступно. Я просто получал то, что получал. Но вот в секцию тхэквондо меня отдали с подачи Андрея, мужика, с которым на тот момент жила мать. Он сказал, что пацана не надо отдавать ни в какие танцы, плавание и кружки рисования. На начальном этапе тренировки для меня были немного скучны. Я всегда на занятиях пытался найти творческие моменты, но в ответ получал только дисциплинарные взыскания. Первых положительных результатов добился только годам к восьми.

Став постарше, я влился в процесс, и мною начало уже двигать желание славы, которое грело душу после каждой победы. Я стал занимать первые места на весенних соревнованиях, но летом меня постоянно отправляли вместо спортивных лагерей то к одной бабке, то к другой. Нужно учесть тот факт, что «другая» бабка была мне неродной, и её интерес в полезности моих занятий полностью отсутствовал. Я мог заниматься чем угодно, лишь бы не утонул.

Учитывая такое отношение к моей карьере спортсмена, я то терял интерес к боевым искусствам, то обретал заново. По осени я по полной отгребал от тех ребят, которых гонял ещё по весне. Потом тянулся к новым рекордам всю зиму, и по весне, может быть, получалось мне выстрелить благодаря личным стараниям и алчному желанию получить кубок и золотую медаль.

Такой подход к тренировкам из года в год сделал из меня ленивого спортсмена.

В пятнадцать лет на осенних соревнованиях я пропустил сильнейший удар в голову и даже потерял сознание. После этого пришлось делать томографию. Врач определил незначительные затемнения и порекомендовал закончить карьеру спортсмена. Периодически я начинал быстро моргать глазами, и это было заметно окружающим. Мать говорила врачам, что это у меня нервное на фоне моих отношений с отцом и его матерью. Уже тогда я понимал, что она врёт. Я никогда не испытывал проблем при общении с бабушкой по линии

отца, кроме того, это было очень редкое общение.

На тот момент я этому больше обрадовался, чем расстроился. Лень побеждала мой организм. Тем более, что запрет на занятия спортом не лишал меня умения высоко задирать ногу или удивлять своих сверстников в уличных драках.

– Ну, пока тебе тринадцать лет, можешь о девочках и не думать. – ну, вот, отец сказал мамины слова, шаблон. – Сам не заметишь, как пройдёт года два-три, и вся голова будет только ими и забита.

Он был прав. Я вспомнил начало своих отношений с Авелиной. Мои ранние отношения очень быстро меня сделали взрослым. И мама продолжала повторять даже в 17 лет, что мне рано думать о девочках. Но я думал об Аве, был влюблён или это было всего лишь влечение. Может, отец и смог бы мне объяснить, но как задать ему вопрос о будущем? Хотя я уже спросил про общепитие. Он думает, наверное, сейчас, что я себе просто нафантазировал проблему. Или, может быть, он вообще сейчас обо мне не думает, и то, что он сидит рядом, – это реакция моего сознания. Что реальность, а что нет? Я нажал кнопку вызова на абоненте “отец”.

– Да нет здесь связи, даже не пытайся. Тем более мне не сможешь дозвониться: либо у тебя не поймает, либо у меня. Мы же оба сейчас здесь, в зоне недоступности.

Меня посетило какое-то странное ощущение: мы встре-

тились неслучайно где-то в другом измерении, а возможно, это меня перенесло сюда, а он давно здесь. Я не мог себе объяснить происходящее, а спросить отца об этом просто не получалось. Как в прошлый раз, я мог спросить только что-то о своих текущих проблемах, важных для моего возраста. Но как я тогда спросил про общагу? В принципе, наверное, этот вопрос вполне вписывался в возможные проблемы подростка.

Пока мы ели шулюм (это такой суп из овощей и тушёнки), я думал о том, где я. Смогу ли вернуться в фестивальную парку или меня отбросило в прошлое, и теперь будет развиваться альтернативная реальность? Потом подумал, что если это так, то через пару лет снова встречу Авелину. И, в принципе, мы можем быть уже не вместе, потому что я это уже всё пережил, а вот она нет. Или, быть может, она тоже всё вспомнит. Или, наоборот, увижу её, и меня потянет к ней с новой силой, она же будет тогда моложе, чем когда мы расстались. Мне захотелось достать телефон и зайти на её страницу в Контакте, но я понимал, что это невозможно по ряду причин.

Мы легли у костра, в палатку отец предложил переместиться попозже. Небо было тёмное и всё усыпано звёздами. Такого неба не бывает в городе, я похожее уже видел в деревне. Но здесь совсем нет огней, а угасающий костёр больше грел, чем светил. Поэтому передо мной предстало совсем другое небо. Густое и обволакивающее. Отец начал показы-

вать мне созвездия, хотя многие я знал лучше, чем он. Мне тоже нравилось рассказывать ему вещи, в которых я был более продвинут. Он внимательно слушал.

– Ты умен не по годам, сынок, – сказал он спокойно.

Я не знал, что ответить. Говорить «спасибо» было не за что, мать часто хвасталась на людях, что я умный, но в глаза она мне этого никогда не говорила.

– Главное – не зазнавайся и продолжай уметь, это в жизни очень пригодится.

– Спасибо за рекомендации, – это уже был совет, и я должен был поблагодарить за него.

Я смотрел на небо и погружался в его глубинные просторы, именно в такие моменты можно осознать свою ничтожность. Отец лежал рядом и рассказывал именно об этом. О том, что все наши земные проблемы имеют смысл на уровне социума, они страшны для людей, потому что люди могут переживать. В глобальном отношении мира мой сплит, Wi-Fi, общага и вообще институт – это только схема, по которой принято жить в социуме. Но у космоса другие законы, все эти звёзды, Млечный Путь, чёрные дыры существуют совсем в другом измерении. И мы просто частица всего этого, сильно зависим от космоса, но живём так мало по времени, что не ощущаем эту зависимость. Просто не успеваем. Космос меняется за сотни веков, и, возможно, вся наша жизнь на планете, жизнь всего человечества для развития глобально-

го мира – просто миг.

Я провалился в эти мысли надолго. Отец начал вспоминать различные фильмы про космос, мы разговаривали с ним о сюжетах, о правдоподобности игры известных актёров. Потом он уснул, а я просто лежал в тишине – это был незабываемый момент. Мы лежали в ночи у костра, на берегу реки. Звуки насекомых наполняли ночное пространство, мой городской вакуум был разорван, я чувствовал, как мои желания и стремления потихоньку выходят на новый уровень. Я начинал осознавать, как на самом деле велик этот мир, и чтобы его поместить в своей голове, мне нужно стать умнее. А детский максимализм рисовал в мыслях картины, как я становлюсь космонавтом и устремляюсь к звёздам.

Немного толкнув локтем темноту, я упёрся в отца, он всё ещё здесь. От локтя по всему телу побежало тепло, было приятно, что сегодня он был открыт со мной, шутил и дал объяснение простым вещам. Научил находить в сложном простоту и не дал повода усомниться в своих чувствах ко мне. Это был отличный вечер, и я провалился в уютный спокойный сон, словно член стаи, который лёг по ближе к вожаку для ощущения большей безопасности.

Третий день. Джамба

Я открыл глаза и понял, что сижу в лодке на железной скамейке, и её холод проникает через мои тёплые штаны до самого тела.

– Ты что, решил поспать? – спросил Михалыч.

Я знал, что его зовут Михалыч, вчера они с отцом накадили по три стопки, а мне даже разрешили выпить бутылку пива. Сказали, что в 17 лет некоторые уже конкретно бухают, но мне при взрослых лучше не обострять. Сейчас должно быть четыре утра, и мы должны плыть на какую-то Джамбу, «на жереха». Но почему ж так холодно?

– Нет, я просто примёрз немного, – ответил Михалычу.

– Это потому, что солнышко ещё не встало, – Михалыч ткнул пальцем в утреннее небо, на котором не спеша таяли звёзды.

Наша лодка медленно отплывала от причала, рассекая осеннюю дымку, поднимавшуюся от тёплой воды. Воздух был прохладный и с увеличением скорости всё сильнее и сильнее пощипывал щёки. Я был одет в какой-то прикольный костюм рыбака, но то ли с пива, то ли с непривычки меня кидало в небольшую дрожь. Вдоль берега проносились зелёные деревья, осень только начинала вступать в свои права. Было красиво и таинственно, и я чувствовал всем телом

работу двигателя, но звук его работы доносился как будто издалека раскатистым и далёким эхом над бескрайней гладью реки.

Ещё вчера я засыпал у костра в летнюю ночь и втайне надеялся, что всё начну с чистого листа и в 13 лет буду мудрым и бывалым 17-летним успешным подростком, а утром я уже тот самый 17-летний успешный юноша, который пытается достичь чего-то в рыбной ловле. Вчера мы были на какой-то небольшой быстрой речушке, а сегодня меня везут по огромной Волге, и я пытаюсь быстро вырасти, как растёт количество объектов перед моими глазами, как вырастают их объёмы и масштабы. Другой берег был так далеко, что эту реку, кроме как Великой, я уже никак не смог бы назвать – впечатлило.

Мы медленно набирали ход, двигатель должен прогреться. Мы рассекали дымку испарений, и она сворачивалась в клубы бархатного одеяла, которое скрывало синхронно расползающиеся волны за нашей лодкой. Я представил, что я матрос дальнего плавания, и мы выдвинулись в долгую и опасную экспедицию. Восходящее солнце превращало движущийся по воде туман в огненного змея. Его лучи наполняли пар жёлтым и розовым цветами. Туман разбивался о нос корабля, Михалыч зажмурился, его рука онемела от холода: он сидел на корме и держал штурвал голой рукой. Отец с передней части лодки протянул мне перчатку и показал жестом передать Михалычу. Сначала тот не стал брать, а через

пару минут постучал мне по плечу, и я её ему протянул. Он быстро натянул перчатку на красную руку и заулыбался.

Солнце уже оторвалось от макушек деревьев, но теплее не становилось. Постепенно я от красоты природы и холода стал впадать в небольшой анабиоз. Я понимал, что спать нельзя, да особо и не получится из-за ветра, но глаза слезились от ветра и закрывались сами собой.

Я прикрыл глаза и начал представлять, как мы выплываем из прохлады берегов Волги к белым пескам Джамбы, кем-то так удачно придуманного острова. Сразу становится теплее, белые чайки встречают нас в голубом небе, и Михалыч уже в одной полосатой майке и просит обратно передать отцу перчатку, толкает меня в спину:

– Эй, не спи, скорость большая, можешь вылететь, – ветер проглотил многое из этой фразы.

Я сразу встрепенулся, глаза резко открылись, но сил прибавиться было неоткуда. Я чувствовал, как холод пронзил все участки моего тощего тела. В такие моменты обычно начинаешь завидовать таким людям, как Михалыч, у которого живот выпадал из-под майки. Отец мой был тоже крупный, но не сказать, чтобы уж слишком толстый. Я стал думать, буду ли я таким же, как мой отец, когда вырасту, или нет. Я смотрел на него со спины и представлял себя в его возрасте. Хотя его возраст мне казался очень далёким и неосязаемым, я провёл параллели между мной и своим братом. Он был младше почти на 10 лет, и я всегда обращал внимание,

на то, что ему разрешают делать в его возрасте, а мне раньше не разрешалось. Отец был высокий и крупный, но по нему нельзя было сказать, что у него спортивное телосложение, но и толстым тоже нельзя было назвать. Он был просто крупным и видным. Что он видный, я не сам догадался. Слышал, как моя мать называла так его несколько раз, когда поливала грязью, повествуя очередным любопытным ушам про её прошлое. Но в целом обычно начиналось с фразы: “А Никита от кого?”. Эти слова сидели в моей голове по несколько дней после таких бесед. Я смотрел в данный момент на отца и язвительно отвечал в эхо прошлого, – да вот от этого мужика. А он гордо сидел на носу лодки, рассекая вместе с нею холодный воздух осенней реки, и даже не подозревал о хитросплетениях моих мыслей, искренне улыбаясь окружающему миру.

Сама рыбалка была захватывающий и оставила в моём сознании след, как яркое светлое пятно. Это было спровоцировано чистым синим небом и тем, что мы бросали спиннинги в сторону восходящего солнца.

Отец научил меня вязать узлы на карабинах и поводках, потом помог подобрать груз для течения в этой части реки, и мне даже удалось поймать жереха. Я так был увлечён процессом ловли, что совсем забыл обо всех прежних желаниях и состояниях. Я не думал о том, чтобы на всё это сказала мать. Я не думал, кто сейчас сидит с моим младшим братом, прошли ли уже вступительные экзамены в институт, ищет ли

меня тётка по всей Москве, создали ли её дочки паблики в VK и FB по поиску меня или просто забили.

Через некоторое время отец и Михалыч позвали пить чай. Они устроились под тентом, развернули пару спальников и покрывало для зоны стола. Было очень уютно. Когда я подошёл, уже были разложены бутерброды, варёные яйца и нарезанные овощи. Отец разлил всем по кружкам душистый травяной чай из термоса. На предложенное Михалычем “по пятьдесят” он серьёзно отказался, якобы, пока не время. Мы трапезничали и смотрели, как течёт река, как белокрылые чайки охотятся вдоль побережья, как разноцветная листва играет на солнце и, добавляя красок в этот мир, отражается в вечно бегущей в Каспий воде. Я перекусил со всеми, и меня разморило. Отец с Михалычем пошли дальше ловить, по ним было видно, что настроение поднялось после чая, а я решил полежать немного на спальниках и попытаться найти в телефоне интернет.

Мне хотелось узнать, где мы, и я долго смотрел на кружок загрузки google.maps. Я не мог понять: это приложение пытается обновиться или оно уже пытается загрузить и прорисовать карты. Пока шла загрузка, пришло пару сообщений о событиях последних матчей премьер-лиги. Это значит, что всё же есть связь, и я открыл 365Scores в надежде в разделе любимых команд выбрать «Спартак». Футбольный вестник тоже стал медленно загружаться. Я подумал, что вот-вот узнаю все подробности последнего матча, перед глазами

промелькнул красно-белый ромб логотипа, «Спартак», мясо, отец раньше занимался мясом, отец болел за «Спартак», мы же ходили с ним на матч вместе или нет. Или нет... Телефон выкинул предложение сделать чекин – #ОткрытиеАрена.

Четвертый день. Футбол

Он крепко держал меня за руку, отец и я были командой в этот момент. Мне 11, ему 37. Нам не было и пятидесяти на двоих. Мы стояли в осенних куртках на самом верху лестницы, я смотрел на зелёный газон и футболистов в красной и синей формах. Была ранняя весна, отец приехал ко мне в Саратов. Мы пошли с ним на матч «Сокол – Факел», потому что всегда гуляли, когда он приезжал. С матерью даже не разговаривал, и пригласить к себе даже не пытался. Меня бы никто не понял, а вот я как раз понимал, что это неправильно. Иногда дети не понимают, почему нельзя, чтобы твоя любимая учительница пришла к тебе в гости, и почему собака, с которой играешь на улице, так и должна жить на улице. В свои десять лет я уже понимал, что отец может звонить мне, приезжать в гости, но он и моя мать в одном территориальном пространстве пересекаться не должны. Мне было даже немного страшно от мысли, что такое может произойти, потому что напряжение, которое в такие моменты исходило от них обоих, было явно космической силой и на Земле не имело аналогов. Наверное, я хотел спасти планету, поэтому старался избегать таких ситуаций, и мы просто с отцом гуляли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.